

Р. П. Чернов

ЛЮДИ ПРАВА

СБОРНИК ЛЮДОЛОГИЧЕСКИХ
СОЧИНЕНИЙ

Рустам Чернов

**Луди права. Сборник
людологических сочинений**

«Издательские решения»

Чернов Р. П.

Ludi права. Сборник лудологических сочинений / Р. П. Чернов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938586-4

В настоящем издании представлены доклады научных конференций и статьи лудологической (ludo — играю, logos — знание) школы права. В сборнике освещены вопросы методологии юриспруденции, сущности права, правоотношения, власти, концепции прав человека, свободы, уголовного процесса и другие. Универсальный метод познания, примененный автором, позволяет читателю по-новому взглянуть на фундаментальные проблемы Теории права.

ISBN 978-5-44-938586-4

© Чернов Р. П.
© Издательские решения

Содержание

Сочинение 1. Лудологический метод исследования применительно к юриспруденции ¹	6
О государстве и праве	10
О правоотношении	11
О преступлении и наказании	12
Сочинение 2. Наука права. Кто она? ² (О возможности использования универсального метода познания (лудологии) в праве)	13
Сочинение 3. О праве как форме стабильности. Лудологические замечания ³	15
Сочинение 4. Предмет и метод исследования как категории познания применительно к изучению права ⁶	19
Сочинение 5. Лудологический анализ понятия нормы права ⁷	23
Сочинение 6. О праве как бытии в возможности государства и государстве как бытии в действительности права. Лудологическое эссе ⁸	25
Сочинение 7. Игровые элементы в познании государства и права ⁹	29
О государстве	31
Сочинение 8. О талионе. Лудологический анализ ¹⁰	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ludi права

Сборник людологических сочинений

Рустам Павлович Чернов

Иллюстратор Джон Кольер

© Рустам Павлович Чернов, 2020

© Джон Кольер, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4493-8586-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сочинение 1. Людологический метод исследования применительно к юриспруденции¹

В свое время Георг Вильгельм Фридрих Гегель обосновал то положение, что анализ права необходимо не должен быть связан анализом нормы права, что следует найти «точку опоры», находящуюся вне правовых категорий, дабы их употребление, при доказывании того или иного тезиса, не детерминировало конечного вывода рассуждений, образовывая так называемый «круг в доказательстве». Такой точкой стала «Философия права» Гегеля, явившаяся генезисом Теории государства и права.

Она стала тем методом (формой познания), который определяет формы и пределы бытия правовых реалий. Но задумаемся над тем, что такое метод вообще, действительно ли реальность познается (то есть существует как нечто, находящееся за пределами метода и испытывающее его непосредственное воздействие), или же все-таки форма познания необходимо определяет предмет познания, то есть структурирует его сущность таким образом, что его свойства являются зеркальным отражением приемов метода познания?

Необходимо понимать, что метод детерминирует само знание, иными словами, восприятие мира зависит от того, как оно осуществляется. В архаичных эпохах познавать означает называть – такова сущность мифа, где существует только то, что названо. Позднее философия станет структурирующим началом познания, где «предмет» формообразуется благодаря использованию исключительно умозрительных приемов – логике. Далее наука провозглашает, что знание, истинное знание, возможно только в пределах опыта, то есть чувственного восприятия, которое посредством формирования количественного частного превращается в качественность общего (индукция). Все эти три формы познания по-разному преломляются в нашей жизни, но сущность каждой из них остается неизменной: это три разных метода неосознанного структурирования реальности, ибо восприятие последней зависит от того, что мы можем в ней увидеть посредством того или иного метода.

Вопрос о методе в рамках юридического знания тем более актуален, что научные взгляды в данной области находят свое непосредственное воплощение в действительности, – достаточно вспомнить теорию разделения властей Шарля Монтескье, правовое государство Иммануила Канта, идею коммунизма Карла Маркса. Более того, юриспруденция сегодня выполняет функцию, которая принадлежала в прошлом лишь философам – мудрецам, а позднее – церкви: она указывает направление целесообразной деятельности масс. К сожалению, до сих пор не существует четкой парадигмы восприятия бытия, которая позволяла бы с достаточной степенью уверенности анализировать, прогнозировать и структурировать реальность, что приводит к тому положению вещей, когда юридическая мысль становится «прислужницей» политических установок государства.

Любая наука вне зависимости от своей направленности необходимо должна с самого начала выработать метод, позволяющий четко разграничивать две области бытия: в «возможности» и в «действительности». Бытие в «возможности» (потенциально сущее) – это бытие вещей, опосредованных мыслью, это бытие мысли. Бытие в действительности (актуально сущее) – это чувственно воспринимаемый мир, весь тот универсум, существование которого возможно подтвердить благодаря чувственному восприятию. «Возможность» и «действительность» – это не две разных формы бытия, это его рамки, ибо возможность всегда реализуется в действительность – нет ничего такого в области мысли, чего бы мы не находили в реальности. Не поймите это буквально, мы не имеем в виду идентичность идеи и «пред-

¹ Опубликовано: Известия вузов Сев.-Кав. регион. Обществ. Науки -2000-№1-с. 66—74

мета», речь идет лишь о том, что наша мысль всегда находит подтверждение своему существованию в чувствах, благодаря которым мы воспринимаем «вещи». Возможность, таким образом, с необходимостью реализуется в действительность. Процесс перехода и конечный результат его (актуально сущее) Стагирит (Аристотель) называл энтелехией. Существование чего-либо возможно только в энтелехии, то есть в форме перехода от «возможности» к «действительности». Соотношение этих двух сфер бытия можно выразить через противостояние материи и формы. Тот же Аристотель указывал на то, что материя усматривается в «возможности», а форма в действительности. Материя – это всегда хаос, выраженный в нестабильности. Действительно, нашей мысли имманентно присущи противоположности, которые являются полярными относительно самих себя, именно поэтому в «возможности» вещи присущи самые противоположные атрибуты, каждый из которых кажется неоспоримо истинным, и только в процессе энтелехии данные противоречия снимаются посредством чувственного восприятия мыслимого предмета. Причем во временном континууме действительность может быть представлена различными формами при наличии одной «возможности», это объясняется тем, что всегда реализуется только одно из противоречий. Так, например, философия, вся история философии представляет собой картину конституированных противоречий мысли, превращенных в систему восприятия реальности, *modus vivendi*, именно мысль детерминирует наше чувственное восприятие: мы не можем испытывать тех чувств, которых не знаем (причем под «знанием» следует понимать и знание о незнании). В этом ошибка и недостаток философии; сковывание чувственного на основе универсальной системы восприятия бытия является позитивным только в условиях, подобных тем, что предлагал Платон в своем Идеальном государстве. В заданной же системе изменчивых форм (течение времени наносит хрестоматийный глянec, искажая подлинное восприятие) это вносит хаос, порождая нестабильность. Именно наличие этого хаоса в области бытия в возможности явилось причиной чрезмерного доверия научному знанию. Наука не объясняет мир, она его истолковывает по принципу называния, что в большей степени позволяет поставить знак тождества между мифологическим и научным знанием, по способу структурирования предмета познания. Однако, следует отметить, что последствия такого онаучивания бытия человека выразились в полном смещении границ между «возможным» и «действительным» – современному человеку достаточно воспринять какую-либо информацию через медиа-средства, чтобы уже убедиться в ее неоспоримой истинности. В целом же парадигму бытия, продуцируемую наукой, можно свести к тому тезису, в соответствии с которым именно чувственное восприятие (опыт) структурирует знание, что является неверным, так как восприятие опыта всецело определяется теми «установками», которые были привнесены в нас в детстве. Таким образом, наука не дает целостности и законченности в отношении предмета познания, что необходимо порождает чрезмерное расширение бытия в возможности при отсутствии его зеркальной реализации в действительность. Данная ситуация есть основание для экзистенциальных страхов, откровенного нигилизма, перетекающего в необратимый процесс сужения сознания до самосознания.

Для того, чтобы разделять «возможность» и «действительность», необходимо знать, почему и как происходит переход из одной области в другую; почему наши идеи, образы, понятия находят самое себя в реальности. Именно тогда можно будет говорить о самостоятельной парадигме бытия. Здесь мы подходим непосредственно к рассмотрению людологического метода исследования, к методу людологии. Людология (*ludo* – играю, *logos* – знание) – это форма познания, предметом которой является мир как универсум, а методом – анализ любой формы бытия как игры. Именно игра понимается как то, благодаря чему многообразное в явлении упорядочивается определенным образом. Людологический метод презюмирует, что любая форма бытия является игрой. Причем под игрой мы понимаем именно формообразующую константу бытия вообще всего биологически живого. Игра есть то, что одухотворяет и приводит в жизнь «мертвую» материю, придавая ей законченную форму.

Обращаясь к Аристотелю, отметим, что в то время понять игру как то, благодаря чему возможна энтелехия, было невозможно, как невозможно видеть свой собственный глаз без чего-либо отражающего. Жизнь древнего грека была именно игрой в самом обыденном значении этого слова, протекающей в рамках закрытого, выключенного из внешней реальности пространства (полис): подчиняющейся своему особому ритму (у греков отсутствовало деление времени на прошлое и будущее); наполняющей мир зрелищными образами, которые сегодня воспринимаются нами на уровне детских сказок (пантеон олимпийских богов); детализирующей реальность в ритуалах, наполненных радостным забвением экстаза (теория Ф. Ницше о дионисийском и аполлонисийском начале в греческой культуре). Таким образом, игра есть тот самый фактор, который переводит возможность в действительность. На примере экзистенции человека это можно охарактеризовать следующим образом. Бытие в возможности – это область бытия мысли, то есть существование человека характеризуется следующим образом: *cogito ergo sum* (мыслю, следовательно, существую), а бытие в действительности человека характеризуется как *ludo ergo sum* (играю, следовательно, существую). В области мысли человек существует на уровне «третьего человека» Платона, как «идея», в жизни же он персонифицируется, и это происходит вследствие того, что человек существует как комплекс масок, которые он меняет в течение жизни.

Игра формирует и структурирует бытие человека. Причем, если мир животных – это мир необходимости, ибо там форма всегда уже существует до субъекта игр, мир человеческий – это мир дифференцированного комплекса игр, имманентно присущими чертами которого являются свобода выбора, временные рамки, способность управлять, творить свою собственную индивидуальную игру, управляемость игр, осознанность.

Дадим теперь общую парадигму бытия, вне которой бытие как таковое невозможно; именно поэтому, приступая к анализу любого явления, следует исходить из исследования:

1. Бытия в возможности. Из того, как оно сформировано (в процессе ли сознательной деятельности, или же посредством неосознанной констатации, являющейся по своей сути навыком). Какой формой оно представлено (символ, образ, модель). Количество противоречий, которые присущи ему по природе, исключая, конечно, два формообразующих (бытие – небытие).

2. Бытия в действительности, то есть той конечной формы бытия, которую возможно чувственно воспринимать соответственно ее бытию в возможности. Следует также помнить, что данный предмет есть продукт, лежащий вне самого формообразующего начала (игры), и поэтому его бытие (с точки зрения четырех причин Аристотеля) всецело определяется той игрой, в которую он вовлечен в качестве предметной стороны энтелехии.

3. Энтелехии. Энтелехия возможна только в форме игры, причем началом игры является завершенная «возможность» (будь то истекший срок, по окончании которого закон вступает в силу, или договоренность детей о правилах: и там, и там игра начинается сразу же, безостановочно), а концом – достижение результата (цели), сформированной в потенциально существе.

Следует понимать, что игры дифференцируются:

1. По степени алеантности (то есть в зависимости от того, насколько радостна и весела игра, что в свою очередь зависит от мотивации игры, субъекта формирования бытия в возможности и его тождества субъекту реализации).

2. По кругу участников. Отметим, что в каждой игре две стороны: участники и зрители. Непонимание этого в свое время привело к необходимости описывать эмоции «зрителей» через понятие серьезности. На самом же деле серьезных игр не бывает, бывает серьезное восприятие игры.

Сами участники игры могут принадлежать только к двум группам:

– личность, чье сознание продуцируется и всецело определяется догмами общества (то есть общественное бытие в возможности, рассчитанное на персонифицированный круг лиц,

находит свою персонификацию в сознании индивидуума, причем сам индивидуум не осознает себя заложником своей сущности, считая, что его сознание выработано им самим и является крайне индивидуальным (таково большинство людей, таковы и законопослушные граждане);

– личность как самостоятельность в высшем ее проявлении, то есть субъект, который руководствуется подлинно своими идеями и образами жизни. Здесь существует несколько этапов становления такого бытия в возможности:

а). Сомнение, представляющее собой ни что иное, как полную противоположность общественному вообще.

б). Отрицание, которое выражается либо в непосредственном уничтожении бытия в действительности, продуцируемого общественным, либо в замене его собственной «возможностью», собственной картиной мира. В первом случае мы говорим о преступнике, во втором – о творческой личности, еретике.

в). Воплощение своей «возможности», своего видения мира, в действительность (сначала это личный *modus vivendi*, затем оформление бытия в возможности неперсонифицированного круга лиц по своему образу и подобию).

3. По степени свободы энтелехии. Под свободой реализации мы понимаем то состояние, когда только от предпочтений участника игры зависит, какое из противоречий будет реализовано в действительность. Свободе противостоит понятие «зеркальности» энтелехии, когда уже в самой возможности (существующей в форме образа, которому присуще долженствование) заранее определено, что необходимо должно быть воплощено в реальности. Такова природа власти, например, ибо именно власть есть игра, которая обеспечивается различными формами насилия, начиная от убеждения и заканчивая принуждением с целью получения в действительности именно того, что планировалось в «возможности».

В целом же игра однозначно определяет:

1. Место действия, причем структурируется само пространство.

2. Время, которое понимается как ритмичность, имеющая место в отрезке «возможность» – «действительность» (отметим, что само понимание времени как системы отсчета возникает только на основе единого бытия в рамках совместной игры).

3. Порядок, который выражается в том, что мысль всегда обнаруживает себя в чувственном, тем самым убеждаясь в своем существовании.

4. Значение, то есть то, что позволяет ориентироваться личности на основе эффекта «узнавания» себе же подобного. В категорию значения входит бытие «маски» – это сущностное взаимодействие определенных форм деятельности, в целом составляющее образ бытия. Сущностная характеристика «маски» выражается в том, что она есть детерминированный набор признаков, реализация которых влечет за собой структурирование психического состояния, как самого субъекта (человека), так и внешней среды посредством взаимодействия с ней.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что игра есть формообразующая константа бытия, обеспечивающая осуществление возможного в действительное.

Теперь, когда у нас в руках своего рода органон, позволяющий анализировать реальность без отрыва от связки «возможность – действительность», попытаемся дать краткий анализ некоторых юридических вопросов с точки зрения людологии.

О государстве и праве

Положение о том, что государство – это абстракция, лишенная конкретного содержания, пагубно и недопустимо. Прежде всего, невозможно разделять бытие права и государства, ибо право есть бытие в возможности государства, а государство есть бытие в действительности права. Действительно, довольно трудно представить нечто государственное, лишенное правового характера, базирующееся, например, на норме морали или нравственности. Соотношение понятий права и закона точно такое же, как государства и государственного органа, то есть понимание государства как нечто ведет только к одному – к апории, выходить из которой приходится на основе агона, который может выражаться, как в обычном споре, так и в войне.

Под государством следует понимать все то, бытие в возможности которого закреплено в нормах права и реализовано в действительность в точном соответствии с «возможностью». Если этого нет, следует говорить о замене государства совершенно иной формой организации материи, например, организованной преступностью, которая сейчас несет в себе все признаки государственности.

Сами признаки государства есть признаки игры. Мы остановимся на них позже, пока же проанализируем форму реализации права в действительность. Нельзя не согласиться с тем, что предписания права мертвы без соответствующих игровых форм, так, например, форма одежды сотрудника милиции (удостоверение, эмблемы и пр.) есть то, что реализует наше знание о нем как о субъекте правоприменительной деятельности, наделенном определенными полномочиями. Без этого он не будет восприниматься нами как таковой, не будет существовать в данном качестве. То же самое мы наблюдаем в сфере судопроизводства, где осуществление правосудия (под правосудием мы понимаем снятие противоречий возможности, уже реализованных в действительность) невозможно без игровой атрибутики, выражающейся в том, что: место, где творится правосудие, как бы выключено из обыденной жизни, помещено в сферу чего-то магического; субъекты данного действия связываются определенной игровой атрибутикой (судейские мантии, парики и пр.); весь процесс осуществляется определенными масками (так, не Петров, Сидоров, а истец и ответчик, прокурор и защитник и пр.). В гражданском праве четко распланы «маски» и способы структурирования этих масок, нарушение которых ведет к ничтожности действий субъекта игры. Причем это единственная область права, где налицо высокая степень алеантности игр, в силу того, что энтелехия не контролируется непосредственно, ее обеспечение возложено на субъектов игры, которые по своему усмотрению могут обратиться с иском в суд, тем самым задействовав другое бытие в возможности, конституированное в нормах права и имеющее своей целью обеспечение зеркальности процесса реализации.

О правоотношении

Зададимся вопросом, что есть норма права? Именно возможность, не более того, чтобы буквы, из которых соткана душа закона, стали нормой нашей жизни, они должны быть реализованы в действительность. До этого закон – это абстракция, лишенная какого-либо значения без того понимания, которое мы придаем ему после того, как эмпирически прочувствуем его воздействие.

Законодатель должен четко понимать, что реально закон существовать сможет только тогда, когда будет предусмотрена форма его реализации, то есть форма игры. Для этого необходимо:

- четко детализировать маски;
- конституировать игровую атрибутику;
- стараться в наибольшей степени повысить алеантность игры.

Таким образом, правоотношение – это самодостаточная форма бытия неперсонифицированного круга лиц, «возможность» которой стабилизирована посредством закрепления в нормах права и зеркально отображена в энтелехии, обеспечиваемой различными формами насилия, начиная от убеждения и заканчивая принуждением.

О преступлении и наказании

Преступление есть игра, которая уничтожает в рамках сферы реализации бытие конституированных в нормах права общественных ценностей, являющихся продуктом игр, принятых в данном обществе.

Представление о преступлении зависит и всецело определяется теми играми, в которые играют люди. Формально преступление – это простое нарушение правил игры, содержание которых всецело определяется менталитетом социума. История знает немало примеров культа таких ценностей, которые сейчас нам кажутся преступлениями, и, наоборот, сейчас уже не преступно то, что было преступлением раньше.

Таким образом, людологический метод исследования дает самодостаточную парадигму бытия, знание механизма «жизни» которой позволяет с достаточной степенью уверенности анализировать бытие, не впадая при этом в неразрешимую борьбу противоречий разума (что особенно важно для юриспруденции, так как она формирует бытие действительности на основе понимания себя как науки, обладающей методом познания, достаточным для обнаружения истины).

Сочинение 2. Наука права. Кто она?² **(О возможности использования универсального** **метода познания (людологии) в праве)**

Юриспруденция до конца не осознает своего предназначения и места в современном мире, аналогии Истории слишком масштабны для повседневного ока практики правоприменения. Между тем, понимание сущности работы, понимание значения роли закона в современном Мировом сообществе – первое чему должен научиться Юрист, человек, который сегодня выполняет функции, ранее присущие лишь только таким формам организации как Церковь, философия и пр. Что есть закон? Это такая модель жизни, в которой разумное необходимо должно стать обыденным, опосредованным сознанием правоприменителя, правоиспользователя. Сегодняшний день ставит запросы философического характера перед юриспруденцией, а не тактико – технического, как это было столетие назад. Именно в праве сегодня определяется предназначение и статус человека, его форма существования и сосуществования в среде себе подобных... И если эта форма не избавлена от порочности противоречий содержания самое себя, если ее практическое отражение есть отражение разбитых зеркал, то необходимо поставить вопрос о правильности того мировидения, которое использует сегодня юридическая мысль (особенно это верно для граждан России, которым предстоит великое дело – воссоздание и структурирование новой формы реальности самих себя).

Современные теоретики права склонны говорить о необходимости универсального метода – философии права. Само подобное суждение архетипировано в прошлое и символизирует собой желание найти положительность в том, что ушло безвозвратно и уже не подлежит «реконструкции». Философ – это прежде всего человек, превративший свое учение в свой образ жизни, противопоставивший самое себя как универсум хаосу мира, с которым он необходимо находится в состоянии вечной борьбы. Юрист должен быть ориентирован не на поиск смыслов, а на формирование эмпирически заданного в соответствии со смыслом разумного (права). Философия права должна быть конструктивна применима таким образом, чтобы идеальное содержание теоретико – методологических выводов корреспондировало строгую направленность практической технике, а практическая техника всегда развивала теорию без отрыва от непосредственной интерпретации эмпирических фактов. Если этого нет, мы рискуем повторить ошибки Советской России, где действительно философское содержание доктринальных позиций формировало смысл понимания практических моментов правоприменения.

Возможно ли существование подобного метода, подобной «философии»? Да. Единственно базовым условием является вынесенность за пределы бытия права любой методологии, во избежание образования круга в доказательстве.

На наш взгляд такой методологией правопонимания может стать людология.

Людология (ludo-играю, logos-знание) – это универсальная форма познания, предметом которой является мир как универсум, а методом — познание любого предмета с точки зрения перехода бытия в возможности в действительность, где процесс реализации (какой бы усложненной схема целостной парадигмы бытия ни была) понимается непосредственно как игра, с той или иной степенью алеантности.

² Опубликовано: Законодательство Российской Федерации на современном этапе: Материалы регион. Научн.– практ. Конференции —Ростов н/Д: Изд-во РГЭА, 2001

Методология людологии восходит к традициям 2-х классических школ мировидения Платона и Аристотеля, казалось бы абсолютно противоречивое оказывается единожды понимаемым как связь познания одного и того же явления с точки зрения различной методологии.

Мы не можем, в силу объема исследования подробнее осветить для читателя непосредственно метод в его совокупности элементов, обратим внимание лишь на одну особенность.

Использование людологического метода позволяет не абстрагироваться от практики правоприменения и не прятаться за удобную позицию «такова воля законодателя», а вести конструктивный диалог, ибо правоприменение (и прочие формы) понимаются непосредственно в контексте движущей причины в рамках целостной замкнутой парадигмы Бытия (возможность – действительность). Это позволяет точным образом знать будет ли норма права мертворожденной или налично действующей, каковы формы ее реализации а ргіогі, технику усе-чения эмпирических противоречий, а так же степень формирования материальной причины при совершенстве целевой.

Использование людологического метода не только практически оправданно сегодня, оно стратегически целесообразно завтра, ибо позволяет формообразовывать реальность не *post factum*, или будучи в плену представлений прошлого, а на основе представлений системного характера, верификация которых и есть сама жизнь...

Сочинение 3. О праве как форме стабильности. Людологические замечания³

1. Людологическая теория исходит из того, что право представляет собой специфическое стабилизированное бытие в возможности, которое является целевой причиной по отношению к государству, являющемуся материальной причиной в замкнутой парадигме бытия. Соответственно, право понимается как бытие в возможности государства, а государство как бытие в действительности права. Если право достаточно полно и точно переводится в действительность, то можно говорить о правовом государстве.

Настоящая работа посвящена неюридическому анализу права, мы не будем апеллировать к юриспруденции, а попытаемся рассмотреть право как явление и части учения людологии о формообразовании явлений. Соответственно, понимая всю полноту ответственности подобного исследования, мы ограничимся лишь общими положениями, которые должны быть понимаемы как штрихи к полной картине и при этом, мы надеемся на это, подвергнуты острой критике, которая должна стать содержанием «цвета» данных штрихов.

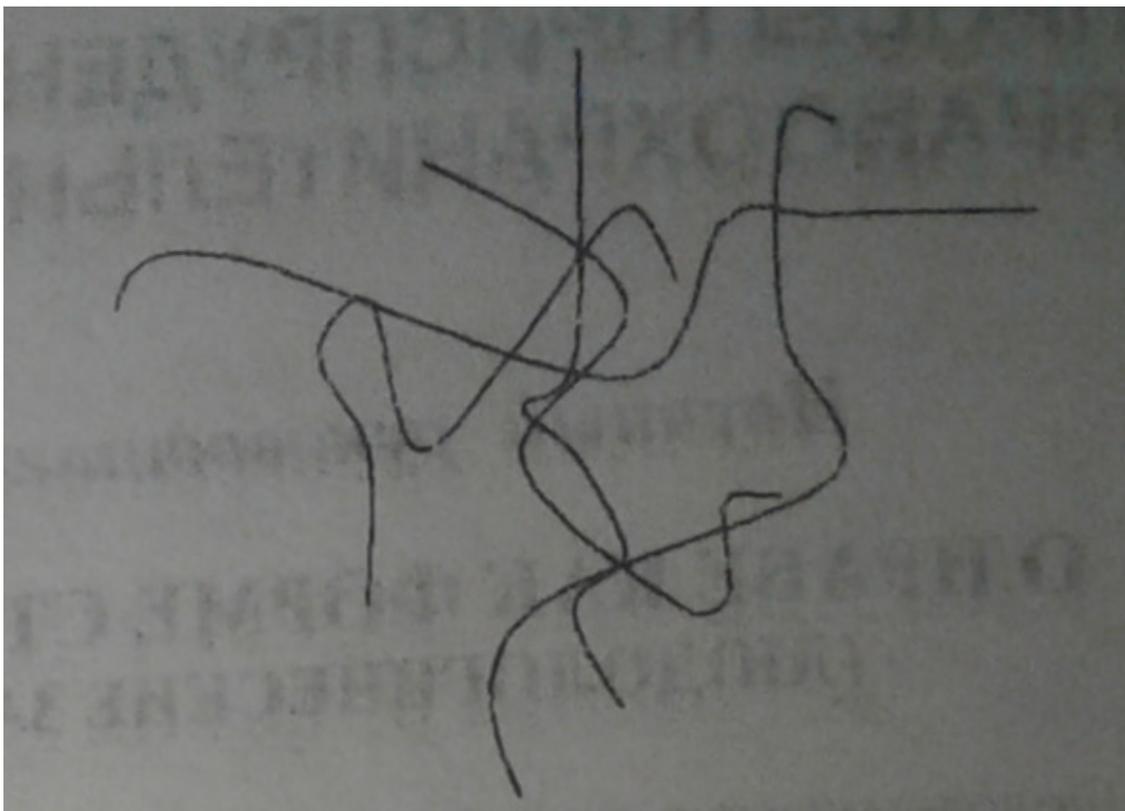
2. При всех формах противоречия относительно сущности права, которые сегодня имеют место быть в теории государства и права с уверенностью достоверности можно отметить, что право – это, прежде всего, форма стабильности. Данная форма так же необходимо обладает гармонией относительно самое себя, а так же относительно противоположности самое себя (право – это идеальная сторона вопроса, в то время, как действительность есть противоположность идеальному)⁴. Зададимся вопросом, что есть стабильность? Если противоположность хаосу, то тогда следует понимать, что стабильность рождается как результат устранения хаотичности и полной неопределенности на момент наличного отсутствия последней.

Обратимся к графическому изображению данного процесса (Рисунок №1 – 3).

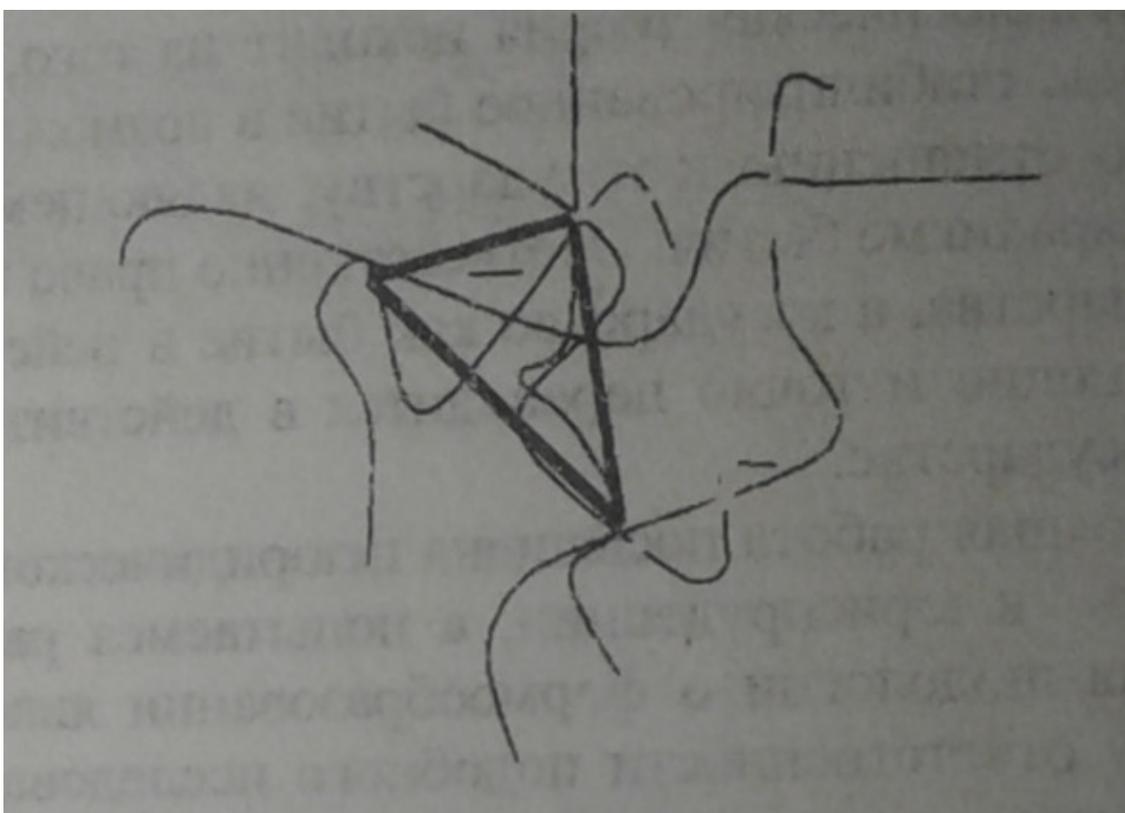
Как видим, кривые линии символизируют фактическую хаотичность тех или иных процессов относительно самое себя и относительно подобных самое себя (абсолютная хаотичность опять же существует только идеально). Точки на данных кривых – первичные перцепции процессов в определенное время и в определенном месте, которые фактически фиксируют ответственность процесса, в дальнейшем формируя представление о нем. При наличии двух и более перцепций, корреспондирующих определенные представления, возникает подобие по форме отражения чувственного в идеальном. Прямые линии между кривыми и точками на них говорят нам о стабильной форме восприятия того, что находится как внутри фигур образуемых линиями, так и относительно самой формы восприятия. «Точки» образуемы вследствие соприкосновения одних и тех же субъектов познания (подобных друг другу) с однотипными формами реальности.

³ Опубликовано в журнале «Рубикон: сборник научных работ молодых ученых»/отв. Ред. А. Л. Бойко – Ростов-на-Дону, РГУ, 2000г- Вып. №8 стр. 77—79

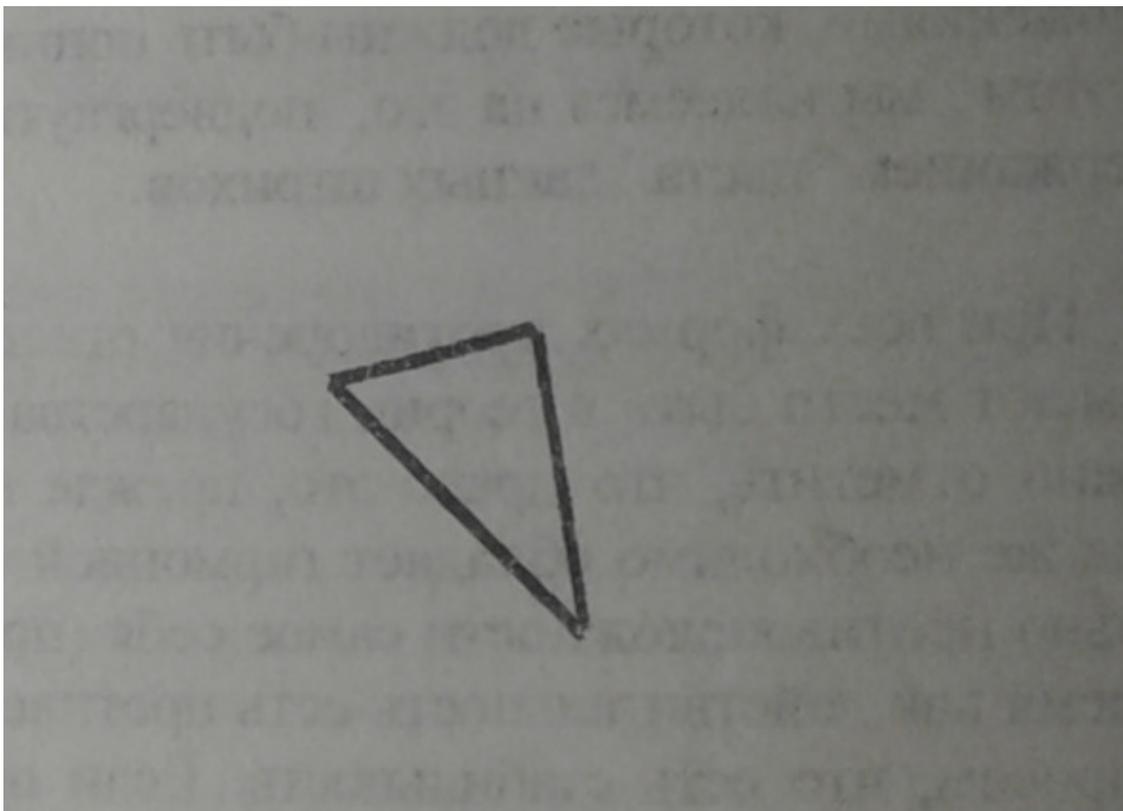
⁴ Идеальное существует вне области чувственного, чувственное вне области идеального, но при этом как следствие мысли о предмете чувства.

1.Первичный этап
(хаос)

2. Вторичный этап (стабилизация)

3. Мета – реальность (сформированный предмет восприятия)

Первичная стабилизация всегда случайна, но само понимание случайности появляется только на основе восприятия того, что создает данная первичная стабилизация.

Само право возникает не как форма стабилизации хаотичности, а как продукт возможности стабилизации того или иного явления относительно человека, поскольку право в своей сущности лишено случайности в момент своего сегодняшнего состояния развития (как то, что остается неизменным в рамках перцепции одного субъекта познания, так как последний может осуществлять его только в течении своей жизни). Если же мы обращаемся к философии как общей форме анализа, персонифицирующей в себе личные моменты таким образом, что они практически не влияют на сам анализ, то право выступает как изменчивая категория, воплощающая в себе случайную волю масс, поскольку сами массы не могут быть обладателями сознательной воли и об их волеизъявлении можно судить только *post factum*, но не в процессе формообразования данной воли.

Следует четко понимать тот факт, что разрушение хаотичности однозначно воспринимается как позитивная стабилизация, которая в дальнейшем определяет взаимодействия человека с миром. Именно в этом, например, феномен преступления – первичная стабилизация сознания индивидуума (бытия в возможности) происходит отличным образом от того каким видится оно в праве, и именно поэтому в дальнейшем сама девиация, являющаяся преступлением, как таковая не воспринимается.

Итак, право – это всегда форма стабилизации, которая воспринимается позитивно кругом субъектов стабилизации. Соответственно, для них она является позитивно сущей⁵.

Для права также характерна форма непрерывности и ретроспективности, произойдя один раз, данная стабилизация в дальнейшем является формой восприятия реальности и формой оценки реальности. Если выразить это графически, то вместо кривых мы получим прямые линии, которые соединяют точки на кривых, в то время как сами кривые остаются вне поля восприятия. Таким образом для права характерно формирование мета – реальности. При этом субъекты стабилизации одновременно являются субъектами государственно- организованного насилия по отношению к тем, кто по времени позже (начиная с момента стабилизации) персонифицирует себя и реальности, так рождается признак права – опора на аппарат насилия государства. При том, что само государство в самом абстрагированном графическом виде есть сумма фигур, полученных в результате соединения линий.

3. Государство является в динамике цикличным движением, переходом специфической целевой причины (права) в действительность, т.е. государство стремится всегда к поддержанию самое себя. При стороннем восприятии (т.е. не как субъекта реализации) оно предстает только как формальная причина бытия. Форма существует всегда и порой может быть абсолютно не связана со своим содержанием в сущностном восприятии целостности явления (вы можете не знать языка, на котором говорит ваш собеседник, но это не значит, что он не умеет разговаривать, просто целевая причина скрыта от вас).

Данная ситуация ведет к тому, что право подменяется субъективным содержанием бытия в возможности субъектов реализации при сохранении формальной причины (коррупция). Для того, чтобы этого избежать в самом праве должен быть синкретично увязан баланс идеального (предназначение) и формального (переход идеального в действительность), т.е. должна быть гарантирована зависимость бытия целевой причины в материальной через невозможность реализации бытия в возможности в действительность без соблюдения формальной причины. Должен быть контроль за государством не на основе результативности (это невозможно в силу того что государство – это следствие огромных массивов информации), а на основе формы перехода «возможности» (права) в действительность, при том, что сам этот переход детально регламентирован в праве, идеально стабилизирован.

⁵ В этом отношении давно уже есть предложение формировать представление о преступлении преступников, дав им возможность высказаться по этому поводу на научном ристалище. Это поможет не только снять социальную напряженность, но прежде всего скорректировать формально-юридическое понятие преступления, которое страдает рядом существенных недочетов.

Сочинение 4. Предмет и метод исследования как категории познания применительно к изучению права⁶

Вопросы методологии познания относятся к числу наиболее сложных. Точное определение в отношении метода исследования, в конечном счете, детерминирует содержание самого исследования в части его истинности или ложности по отражению действительного. До сих пор не решена дилемма соотношения предмета и метода познания, – вопросы детерминированности причинности не могут быть решены в процессе самого познания, именно поэтому научные позиции порой приобретают позиции силовые. Юриспруденция в этом отношении как наука, претендующая на эмпирическую обоснованность, не исключение. В отношении же такой отрасли познания, как история права данный вопрос вдвойне актуален, так как, в данной области познание связано специфическими рамками вневременного анализа событий, которые разворачивались в контексте определенного времени и места. Для понимания всей сложности данного вопроса (дифференциация временных форм перцепций) достаточно ознакомиться с концепциями Данилевского, Шпенглера, Тойнби. Постижение истории – это уже самостоятельная задача, которая решается методологически, ибо именно метод определяют ту часть предмета (совокупность фактов прошлого), которая будет доступна эмпирическому анализу. В соотношении к специфике права (самостоятельная категория, обнаруживающая автономное гносеологическое значение), – эта задача трансформируется в ответственность почти формально – юридического значения, так как именно в праве с одной стороны отражается традиционный путь развития общества на протяжении долгого периода времени, и именно право обеспечивает преемственность поколений в области должной действительности.

Методология познания, таким образом, представляется первостепеннейшей задачей для истории права. Именно от того какой будет методология, будет зависеть какова будет история, система представлений о прошлом, а значит – какими будут стандарты и эталоны будущего.

Потенциал познания истории права несравним ни с одной из форм умозрительного доказывания, ни с одной формой познания, обладающей самостоятельностью познания в области социальной материи. История несет в себе гарантированность и целесообразность познания, действия. Искажение истории и формообразование истории – область, всегда привлекавшая политиков в разное время. Найдя в прошлом основы произвольного настоящего, можно застраховать себя от критической оценки будущего. Именно поэтому доля спекулятивного мышления в области исторического огромна. Желание подтасовки фактов, желание открытия нового «хорошо забытого» в старом и т. д.

Как избежать всего этого? Как не допустить тирании мысли в области целесообразности действия?

Нам представляется возможным говорить о необходимости формирования универсального метода познания в рамках юриспруденции, одной из составляющих которого будет анализ прошлого с точки зрения методологических основ познания настоящего.

Предлагаем проанализировать с точки зрения универсальности такой фактор познания явлений действительности как время. Невозможно отказаться в рамках познания от мысли о времени, тем более сложно в отношении исторического отказаться от временной периодизации, и от вплетения времени в часть методологии познания.

⁶ «Предмет и метод исследования как категории познания применительно к изучению права»// История отечественного государства и права: методология изучения и методика преподавания: Материалы научно- методологического семинара (17 марта 2001г) – Екатеринбург: Изд- во УГИ, 2001.

Гносеологическая ценность временного деления, трансформирующегося в перцепцию периодизации всегда актуальна и необходима для любого исследования, в особенности в отношении права.

Итак, время. Методика преподавания истории знает множество примеров не совпадения периодизации курса отечественного государства и права, но вся критика в отношении авторов нацелена в основном на нарушение периодизации курса с точки зрения верного отражения действительности. Нарушение во времени считается недостатком результата познания. Мы же предлагаем расценивать время как часть метода познания по отношению к предмету познания – событиям прошлого. Даже в нашей предыдущей фразе выражена квинтэссенция причинности такого предложения – время неотъемлемая часть любого суждения, умозаключения и, конечно же, результата познания. Мы не предлагаем подобно Горгию включать в логику – формальную структуру рассуждения время как константу самоуничтожения качественного субстрата, выступающего объектом суждения, – мы лишь предлагаем расценивать время как то, что меняется в отношении самого суждения, в процессе суждения, в процессе становления доступности неперсонифицированному кругу лиц результата исторического познания...

Для того, чтобы именно таким образом расценивать познание, познание истории, нам придется прибегнуть к анализу несколько устаревшей (но сегодня частично модифицированной в рамках людологии) теории структуры бытия. Мы говорим об учении Аристотеля о том, что бытие делится на бытие в возможности и бытие в действительности. Первое является самостоятельной экзистенцией мысли, второе – воплощением мысли в действительность. Первое – область внечувственного, область *ratio*, рассудка, вторая – область, детерминированная чувственной перцепцией в осознании предмета чувства (трансформация ощущения в чувство).

Бытие в возможности объективирует самое себя в форме выражения (формальная причина), оно же есть прототип бытия в действительности (сущностное противоречие с Платоном, который считал бытием в действительности уже самое бытие «возможности», по Платону – «эйдос»).

Бытие мысли соответственно связывает чувственное начало (бытие не существует вне мысли, мысль вне бытия), соответственно, мысль реализует чувственную перцепцию в соответствии с некоторого рода ожиданиями. Время воспринимается как разница перехода бытия в возможности в действительность. Иными словами, греческое отношение к времени, отношение подарившее миру цивилизацию, – это отношение разницы между ощущением (энтелехией, переходом мысли в область материального субстрата, – все та же перцепция в рамках чувств) и воспоминанием о данном чувствовании (область рационального, область бытия в возможности, которое уже реализовалось в рамках материального субстрата и представлено, как самой возможностью, так и ее воплощением).

Время возникает как форма отношения двух сфер в взаимодействии друг с другом (необходимый переход бытия в возможности в действительность).

Это беглый анализ, более детальное рассмотрение методологических основ философии Аристотеля, естественно, неуместно и обременительно в рамках данной работы. Для нас ценно то, что данная методология (в своей части интерпретации времени) позволяет несколько по другому выстроить концепцию познания права.

Обратимся к анализу права. Что есть право? С точки зрения вышеприведенных форм анализа, право представляет собой бытие в возможности, которое обладает рядом признаков: отсутствие противоречий, синкретично соединяет в себе формы зеркального отражения возможного и действительного применительно к чувственной сфере отдельного лица, при презумпции его тождественности в части общего сознания общественному бытию в возможности (бытие в возможности, процесс реализации которого не связан рамками времени и места). К формальным признакам (бытие в возможности как субстанция самореализованная относительно самое себя) следует отнести: текстуальный характер, адресность неперсонифицирован-

ному кругу лиц, отсутствие противоречий в процессе перцепции (точность и ясность формулировок), в целом в форме своего выражения право как формальная причина бытия направлено на максимальную тождественность перцепций неограниченного круга лиц.

Данные моменты очень важны, поскольку совершенно неожиданно обнаруживается следующая параллель. Процесс структурирования нормы права и процесс структурирования бытия в возможности отдельного индивидуума полностью совпадают в структуре своего построения.

Реализация материи в форму в пределах сознания отдельного индивидуума носит форму «бытие в возможности (мысль) – реализация (воплощение) – конечный результат (форма бытия)». Соответственно, первична мысль, вторично действие по ее реализации, и конечен результат реализации. В случае, если результат реализации соответствует заранее задуманному (мысли об этом результате, бытие в возможности), то соответственно общая схема выстраивается следующим образом: «будущее (мысль о том, что необходимо сделать) – настоящее (реализация, процесс становления формы) – прошлое (ставшая форма, то, что к моменту своего становления есть завершенность и является, следовательно, прошлым)». Таким образом, в области индивидуального, в области чувственно – персонифицированного бытия в возможности, временная парадигма строится в ракурсе «будущее – настоящее – прошлое». Следует отметить, что степень противоречивости данной системы может быть прямо пропорционально усиливаться при индивидуальности бытия в возможности, которое подлежит реализации. Ситуация такова, что индивидуум живет в дифференцированном мире временной полярности, но при этом в области отсчета времени остается приверженцем общественной парадигмы «прошлое – настоящее – будущее». Это связано с специфическим структурированием общественных парадигм. Право в данном поле структурирования занимает одну из ведущих позиций. Рассмотрим формы структурирования непосредственно правовой нормы. Прежде всего, это субъект власти, законодатель. Бытие в возможности законодателя может представлять собой индивидуальное сознание, персонифицированное общественным бытием в возможности (суверен, например), и в противоположность первому деперсонифицированное – парламент, который в процессе работы (регламент, традиции и прочее), поглощает и снимает возможные противоречия. В любом случае можно констатировать автономность субъекта структурирования нормы права, его противопоставленность объекту познания (предметному содержанию нормы права). К моменту принятия закон отражает ту действительность, или нацелен на ту действительность, которая была доступна «сознанию» законодателя. Создается модель идеального (внечувственного, рационального) бытия по отношению к действительности, которая выступает предметом правовой нормы. Реализация правовой нормы, формообразует значение действительности (право, обязанности, объект правоотношения) в соответствии с содержанием правовой нормы. Правовые последствия реализации, вынесены за пределы правоотношений (будем придерживаться именно данной позиции), но синкретично связаны в области познания с элементами правоотношения (реализацией нормы права). Таким образом, схема, которая перед нами: «формирование бытия в возможности- его реализация – конечный результат». То, что закон по времени предшествует правовым последствиям, образуемым в результате его принятия, вещь очевидная, то, что правовые последствия являются вторичными по отношению к реализации закона – тоже. Получается, что схема бытия права, его перехода в действительность выглядит следующим образом: «бытие в возможности (будущее действительности) – реализация (настоящее: правоотношение, регулирование общественных отношений) – конечный результат реализации (прошлое: правовые последствия)». Соответственно схема структурирования времени выглядит как «будущее – настоящее – прошлое».

С точки зрения системы отсчета времени это является полнейшим абсурдом. Вот это «с точки зрения» для нас очень важно, так как здесь мы подходим к основному моменту нашей работы. Позиции временного восприятия в процессе структурирования социальной материи

(переход бытия в возможности в форму) и со стороны наблюдателя, не участвующего в самом процессе структурирования, не совпадают.

С точки зрения третьего наблюдателя, первым появляется непосредственно результат структурирования материи (бытия в возможности). Действительно, познание мысли, приобщение к мысли возможно только в отношении собственного мыслительного процесса, и в отношении форм выражения мысли (бытия в возможности). Вне этого мы можем лишь подобно Аристотелю и Платону презюмировать наличие бытия в возможности. Сам процесс становления бытия в возможности в форму, превращение мысли в овеществленный результат (пусть даже в части самореализации) так же недоступен стороннему наблюдателю, если он не обладает первоначальным бытием в возможности процесса становления. Здесь возможна неверная интерпретация факта, неверная трактовка и прочее. Доступен только конечный результат структурирования в форме сопричастности идеальной стороне (бытия в возможности) предмета познания. Соответственно, процесс познания строится по обратной схеме. То, что для субъекта реализации есть уже прошлое, для субъекта стороннего познания является первичным. Связанность субъекта реализации в восприятии конечного результата по части реализовавшегося бытия в возможности воспринимается сторонним наблюдателем как реализация предназначения конечного результата реализации.

Если учесть так же смещенность временных рамок в области общественного отсчета времени, исходя из периодизации самих рамок перехода возможного в действительность в отношении народов, стран (эпохи), то исторический анализ предстает перед нами в форме последовательных алгоритмов шагов, цепь которых в конечном счете должна сводиться к адекватной всесторонней оценке факта действительности, как с позиции современников (среди которых – очевидно и субъекты структурирования, наблюдатели и прочее), так и с позиции современного дня, которому порой достаточно только бытия в возможности (для истории права ситуация намного легче – бытие в возможности в виде правового памятника практически не изменяется).

У истории государства и права существует уникальная возможность полноценного мониторинга эпохи с точки зрения сопоставления изменения бытия в возможности, представленного в форме правовых памятников. Но как мы полагаем, производить данный анализ необходимо с учетом тех моментов методологии, которые мы попытались коротко изложить выше. Сочетание понимая временных рамок именно таким образом позволяет во многом облегчить работу с источниками, уменьшить удельный вес гипотетического в познании истории, главное – сохранить преемственность познания правовых реалий.

Таким образом, в отношении методологии познания следует отметить, что дифференцированный временной анализ по бытию в возможности и бытию в действительности (в той части, в которой данное учение модернизировано людологической школой познания) может быть использован как часть методологии, наряду с прочими методами. Соотношение предмета и метода может быть уточнено в рамках комплексного исследования целостных алгоритмов и парадигм, они могут быть детализированы универсальным методом исследования, который, как мы полагаем, необходимо структурировать в дальнейшем. Создание данного метода для юриспруденции позволит не только обезопасить данную науку от политической зависимости, но и дополнительно включить в ее предмет те области познания, которые до сих изучались и преобразовывались для юриспруденции другими отраслями научного знания.

Сочинение 5. Людологический анализ понятия нормы права⁷

Вопрос о сущности нормы права всегда был для Теории государства и права одним из главнейших. Для международного права он является вообще принципиальнейшим, так как его нормы не опираются на непосредственный аппарат принуждения, носят в основном рекомендательный характер и обязательны лишь в силу присоединения к договорным конструкциям. Однако отрицание на практике в природе актуально сущего такого признака права, как принудительность исполнения вовсе не лишает нормы международного права сущности норм права как таковых, но с другой стороны размывает «отечественное» представление о норме права, которое в основном не лишено позитивизма в своем содержании представления и формализма в теоретической оценке.

На пороге международной интеграции встает так же вопрос относительно унифицированной формы реализации норм права. Отечественная теория опять же исходит из стандартного понятия правоотношения, которое является трафаретом «живучести» нормы. Однако герменевтические теории права (Дж. Кауфманн) в корне разбивают наше представление о норме права как о том на основе чего возникает правоотношение, т.к. сама норма может формообразовывать самое себя в процессе смены составляющих фактической жизни (например, исследование в судебном заседании). Таким образом, норма права выступает как некоторая стабильная форма, по отношению к содержанию, подверженному изменениям в заданной стабильности социальных форм, продуцируемых стабильностью системы законодательства в целом.

Противоречий в теории относительно понятия нормы права намного больше, чем мы думаем, чем нам кажется. Сегодня возникает своего рода необходимость в новой «Бритве Оккама», которая бы позволила свести все противоречия теории к жестким рекомендациям практики, при том, что сама практика не расплывается в круге «все действительно разумно, все разумное – действительно» (Гегель).

Прогрессивным следует назвать людологический подход в определении нормы права. Право понимается как специфическая форма бытия в возможности. При этом действует формула, что право – это бытие в возможности государства, а государство это бытие в действительности права. Сама категория бытие в возможности определяется через понимание материи, противоречия которой сняты в процессе ее структурирования (принципы парламентаризма). Соответственно, целевая причина (бытие в возможности) в замкнутой парадигме бытия (государстве) предстает как цельная форма, идеальный прототип, будущего бытия в действительности, отсутствие которого, может восприниматься как социальная девиация.

Позитивной нормой права можно назвать текстуально закрепленное бытие в возможности, которое явилось материальной причиной бытия вследствие снятия противоречий универсума познания на определенном уровне создания самого бытия в возможности (разработка и принятие закона). Норма права в естественно – правовом смысле складывается как совокупность бытия в возможности относительно движущей причины и девиации формальной по отношению к целевой.

Формой реализации нормы права могут быть лишь определенные парадигмы, где формообразующим началом является игра с различной степенью алейности, право мертво без форм понимания его содержания неперсонифицированным кругом лиц. Унифицированность

⁷ «Людологический анализ понятия нормы права»// Реализация международных норм о правах и свободах человека и гражданина в РФ: материалы конф. – Пенза: Изд-во ПДЗ, 2001.

результата такого понимания достигается за счет единого способа перехода «возможности» в действительность, который является игрой.

Можно ли говорить о норме права вне восприятия ее неопределенно широким кругом лиц? Нет, именно на это направлена норма о вступлении закона в силу только после опубликования.

Для международного права характерно то, что сами значения (содержания нормы права) должны носить интернациональный характер (в этом его сущность). Именно поэтому формализация значений не на основе текстуального, описательного формообразования смысла (закон как текст), а на основе лудологического подхода является весьма перспективным для России, которой в реально короткие сроки предстоит стать правовым государством.

Сочинение 6. О праве как бытии в возможности государства и государстве как бытии в действительности права. Людологическое эссе⁸

В данной публикации предпринята попытка тезисно определить ту область теоретического исследования, которая обозначена в заглавии. Само содержание эссе – лишь визитная карточка научного направления, которому еще предстоит развиваться в области юриспруденции.

Вопрос о соотношении государства и права никогда достаточно не актуализировался в силу того, что определить государство вне права было настолько же затруднительно, как и право вне государства. Причем плеяда знаменитых «отцов» естественного права не доказывает самостоятельность права вне государства, а наоборот, указывает на то, что терминологический спор действительно может превратиться в оправданно -методологический, если этого очень сильно захотеть. Попытаемся определиться в терминологии, чтобы приведенная нами методология познания государства и права не выглядела инструкцией к толковому словарю без алфавита.

Понятия государство и право – не просто правовые абстракции, корреспондированные неперсонифицированному кругу лиц, наделенных сознанием, трансформированным в знание об этих абстракциях, а, следовательно, – в чувственное ощущение всего того, что есть содержание данного знания (равновесие эмпирического и вербального) – вопрос решался бы тогда на уровне умозаключений. Нет, государство и право – это представление общего характера, оформленное и стабилизированное таким образом, что совокупность индивидуально-чувственного восприятия данного представления должна быть унифицирована в отношении любого конкретно-частного. Применительно к Теории государства и права того же сказать нельзя, ибо важнейшей и первостепеннейшей задачей она видит именно дифференцированность и полярность научных «точек зрения» относительно «государства и права», в то время, как само государство заинтересовано в точном и единообразном понимании и применении закона. Желание оправдать полярность точек зрения вынуждает мириться с кругом закономерных противоречий выводов, ибо современная методология не в состоянии разрешить вопросы, касающиеся:

– происхождения государства и права с точки зрения первичности и вторичности, дифференцированности данного процесса во времени;

– точной дефиниции (достаточной для политического правоприменения) государства и права без того, чтобы не абстрагироваться от практической стороны вопроса. Сила необходимых абстракций очень велика, так же, как и желание их использовать;

– предела бытия государства, помимо замкнутых пределов самое себя, которые трансформируются в логическую последовательность – «государство – право». Сходство и отличие опять же вне пределов самое себя;

Данные затруднения являются следствием того, что методология, составляющая первичное основание теории государства и права, представляет собой одновременно и результат, и метод познания, т.е. образовывается порочный круг в рассуждении, где сами доказательства суждения составляют в своем сложении по содержанию (а не форме) само суждение. Право и государство оцениваются именно с правовых позиций, сформированных в прошлом. Эти позиции утилизуются и трансформированы современным сознанием в объективные поло-

⁸ Научная мысль Кавказа-Ростов н/Д: Северо —кавказский научный центр Высшей школы, 2000- №7 (приложение) -С. 37—42.

жения, корреспондированы в качестве объективных и, в конечном счете, признаны Предметом исследований (что уже предполагает единое унифицированное эмпирическое восприятие). Противоречия же, которые все же продолжают возникать несмотря на молчаливое согласие «пытливых» умов, сглаживаются необходимостью самих себя и приобретают форму «вечных вопросов», «реальной жизни», «случайности», «данного законодателя» и пр.

Такое положение вещей не может быть признано удовлетворительным. Ничто из того, что пребывает в становлении (в том числе и то, что называемо нами катастрофой и упадком), не есть сущее до тех пор, пока из хаоса материи не появилась новая форма, но сама форма необходимо отрицает любое становление, возникновение самое себя, ибо возникновение есть предшествование от противного по качеству уже существующему, а следовательно – противоречие ему. И наша неспособность сегодня к определению, охватывающему все стороны чувственного, – это не положительный момент, свидетельствующий, что истина рождается в агоне плюрализма научных точек зрения, а фикция состояния становления Представления о государстве и праве. В конечном счете это может приобрести именно Форму, которая будет определять и детерминировать чувственное уже вне зависимости от научного основания (история демонстрирует нам такие Формы на промере фашизма, коммунизма и пр.)

Юриспруденция как наука должна понимать, что сегодня она выполняет функцию, принадлежавшую ранее только таким формам организации, как церковь, религия, философия.

Мы предлагаем использовать абсолютно не юридический метод познания, не связанный рамками позитивного права (а следовательно, и оправдываемый им) или элементного состава заимствования спектра философских систем (а не философии как метода определения мира – сделать философом юриста может только обладание государственной властью).

Наш метод называется людологией. Сущностью его является анализ любого явления по четырем причинам бытия, выстроенным в целостную парадигму бытия, которая образовывается исходя из элементной упрощенной связи – бытие в возможности (БВ) – бытие в действительности (БД).

Обратимся непосредственно к анализу государства и права. Дифференциация единой Формы перехода бытия в возможности в действительность продиктована прежде всего тем, что право представляет собой редкий случай «возможности», стабилизированной и реализованной в пределах самой себя, а следовательно, обладающей достаточной замкнутостью, самодостаточностью и известными пределами, т.е. чувственное восприятие рождается не только как свойство мысли (при достаточной степени автоматизации перехода БВ в БД), но и как вторичный продукт непосредственно восприятия БД по форме. Таким образом, то, что составляло только часть целостной парадигмы (БВ), воспринимается само по себе как целостная парадигма, а следовательно, как целостность и замкнутость в отношении самой себя и противостоящее миру во вне.

Таково восприятие права сегодня. Государство, являясь (в теоретической конструкции) вторым элементом энтелехии бытия в возможности (бытием в действительности), выносится восприятием в сферу не только самодостаточности, но и абсолютной независимости как предмет анализа.

То, что мы называем «государством» и «правом» (подразумевая некоторую дифференцированность и независимость, позволяющую ставить союз «и») есть одна и та же парадигма бытия, разделение которой нецелесообразно и ошибочно. Действительно, бытие в возможности – это весь тот универсум вещей, бытие которых опосредовано мыслью, это само по себе бытие мысли. БВ может сколь угодно дифференцироваться относительно неопределенно-известного круга элементов, но в целом оно необходимо сохраняет качество противоречивости, где каждое из противоречий является истинным, так как разрешение противоречий до реализации в действительность невозможно. Право, а точнее, закон является БВ, в котором:

– изначально сняты противоречия мысли (посредством агональных форм, стабилизация и систематизация которых есть законотворчество, законодательная власть);

– налицо стабилизированная форма восприятия относительно форм восприятия (текстуальный характер при том, что язык – это автоматизированный способ корреспондирования БВ, при котором сохраняется однозначность восприятия исходя из позиции корреспондирующего);

– субъектом восприятия необходимо должен являться неперсонифицированный круг лиц.

Здесь неперсонифицированность представляет собой общее содержание БВ, в то время как под общественным следует понимать то БВ, качество которого абсолютно независима от качества носителей. Более того, такое положение вещей может быть достигнуто только при достаточно точной стабилизации «масок».

Это основополагающие признаки БВ, которое получает название права (закона). Его реализации, т.е. появление в замкнутой системе движущей, материальной и формальной причины в дальнейшем порождает чувственное-восприятие, которое, однако, уже оторвано от непосредственной ассоциации самого себя с первичным БВ (законом).

Оно также лишено подобия самой первоначальной возможности (что, кстати, является признаком слабости, атрофированности государственной власти). Теоретики государства и права неоднократно пытались свести понимание государства к движущей причине (субъект реализации БВ, субъективное БВ, «маска»). Так, например, Просвещение (Гоббс, Локк, Монтескье, Руссо и др.) отождествляло государство с элементарным составом движущей причины – человеком, разница позиций между ними сводилась к различной оценке сущности отдельно взятой единицы суммы составляющих – человека.

Лев Петражицкий сделал акцент на эмоциональной стороне вопроса, трансформировав и синтезировав БВ трех групп участников: непосредственно БВ субъекта реализации, стороннего наблюдателя (подчиняющегося) и законодателя – субъекта структурирования БВ). Были и другие попытки, на которых мы подробно останавливаться не будем, отметим только, что в силу узкой специфики научных методов, используемых их авторами, ими анализировалась лишь отдельные элементы элементов общей парадигмы бытия.

Целостная парадигма представлена как ячейка циклов подобных парадигм, дифференциация которых образует основу для возможности обнаружения сходства и различия. Важность людологической парадигмы обусловлена тем, что она позволяет точно определить границы того чувственного в действительности, что есть следствие бытия в возможности (мысли). Поскольку целевая причина в случае с государством является правом, а бытие в возможности обладает вышеописанными признаками, то под материальной причиной следует понимать именно государство. Поэтому государство в целом необходимо отнести к явлениям статики по отношению к переходу «возможности» в действительность.

Такие понятие, как власть, следует отнести к свойству перехода БВ и БД, ибо власть есть обеспечение зеркальности перевода «возможности» в действительность. Таким образом, точное соответствие материальной причины целевой образует показатель надлежащей формы (формальная причина равна здесь энтелехии). Синхронизация переходов, дифференцированность способов обеспечения переходов, знание и согласие неперсонифицированного круга субъектов о данных способах формирует представление, восприятие которого отождествляется с государством, а теоретическая научная мысль переносит это восприятие на предметную сторону энтелехии, а подчас в том числе и на правовую атрибутику.

Государство как материальная причина целостной парадигмы бытия обнаруживает свое бытие только там, где данное бытие в действительности – необходимое следствие перехода определенного бытия в возможности в действительность.

Государство как абстракция не существует. Есть наличное бытие, являющееся следствием «возможности», обладающей особыми признаками, которое и есть государство. Природа бытия государства – только актуально суща, природа права – лишь в возможности...

Сочинение 7. Игровые элементы в познании государства и права⁹

Данная работа представляет собой сравнительный анализ учений Аристотеля и современных теоретиков, имеющих своим предметом познания игру. Целью работы является попытка разработки существенно нового метода в познании явлений государства и права.

Как мы увидим в дальнейшем, этим методом является понимание некоторых элементов государства и права как игровых форм бытия.

Любая наука изначально или на более поздних этапах своего развития сталкивается с проблемой выявления четкого критерия оценки двух форм бытия – бытие в «возможности» и в «действительности» (энтелехия). В возможности (т.е. в нашем понимании вещи, представлении о ней), предмету познания могут быть присущи совершенно противоположные атрибуты, которые будут неподвластны критическому анализу, т.к. каждое из противоречий будет казаться истинным. Энтелехия – это осуществление того, что было в «возможности» (того, что было задумано), и уже здесь, в реализации, являющейся вольным или безвольным действием, и только действием, противоречия «снимаются» (Гегель), ибо согласно Аристотелю не может быть такого положения вещей, при котором в одно и то же время, в одном и том же месте «вещь» обладала бы противоположностями. Поэтому если не подобрать метода разделения этих двух форм бытия, можно бесконечно долго доказывать и утверждаться в истинности диаметрально противоположных положений, имеющих место в рамках определенного предмета познания.

Как было уже сказано, энтелехия является действием. Согласно определению другого мыслителя, человека, жившего в XX веке Йохана Хейзинги и ряда других всемирно известных философов – Шеллинга, Плеханова, Фробениуса... – любая человеческая деятельность является игрой. Имея в виду, что учение о бытии Аристотеля применимо только к сфере деятельности человека, мы с необходимостью получаем вывод о том, что процесс осуществления (реализация) того или иного ранее планируемого события является игрой. Таким образом, говоря о реальном существовании чего-либо, имеющего социальную природу, мы, прежде всего, должны говорить об игре и анализировать это как игру.

На основе этого следует выделить следующий принцип энтелехии – реально существовать может только то, что может иметь форму игры. В этом контексте становится понятна мысль Стагирита о том, что материя усматривается в «возможности», форма же только в действительности, таким образом, игра оформляет материю.

Игра – это совокупность таких деятельных признаков бытия, которые в целом составляют его форму (форму бытия).

Теперь мы непосредственно переходим к анализу игровых принципов, имеющих основополагающее значение для нашей работы. Данный анализ основан на трудах вышеприведенных авторов.

1. Игра – это свободное занятие. Здесь понимание свободы складывается из двух принципов: во-первых, добровольное участие в игре – человека нельзя заставить играть, иначе это будет псевдоигра (метаигра), во-вторых, свобода, как ее понимал Руссо – «поступай так, чтобы твоя свобода не ущемляла свободу других». В игре существует аналогичное положение – игрок может делать все что хочет, кроме того, что нарушает общие правила игры или право на игру другого игрока.

⁹ Опубликовано в журнале «Рубикон: сборник научных работ молодых ученых»/отв. Ред. В. Е. Максименко – Ростов-на-Дону, РГУ, 1997г- Вып. №1 стр. 82- 84

2. Правила игры непреложны, так как они выполняются не в силу обязанности, или по принуждению, а в силу того, что они являются квинтэссенцией духа игры. Нарушение правил ведет не к взысканиям, а в силу того, что они являются квинтэссенцией духа игры. Нарушение правил ведет не к взысканиям, а к исключению из игры или уничтожению самой игры.

3. Игра есть справедливость. Любое решение, вынесенное игроку во время игры, неоспоримо истинно.

4. Игра – это порядок. Порядок имманентно присущ игре, любая игра однозначно детализирует свое действие во времени и пространстве, более того, игра детализирует и упорядочивает само пространство игры. Так, основными элементами игры являются игровое пространство и действительность игры во времени.

5. Игра независима, она замкнута, это «вещь сама в себе», отсюда рождается ее главный принцип, который выражает ее дух – самоценность (6).

Итак, подойдем вплотную к существу нашего вопроса. Государство и право – что это в «возможности» и в энтелехии, и как все вышеизложенное применимо в этом серьезным реалиям объективной действительности?

О государстве

1. Государство потенциально (в «возможности», т.е. теоретически) существует в умах мыслителей, именно таковым государством является «идеальное» государство Платона, государство благоденствия Аристотеля, Левиафан Гоббса, правовое государство Канта и т. д. Общеизвестно, что уже только вышеперечисленные представления о государстве являются противоречивыми. Интересно то, что попытки осуществить на практике те теории, в которых излагалось, каким должно быть государство, абсолютно все потерпели фиаско, вне зависимости от того, кто этим занимался – сам ли создатель теории или же его последователь. В чем причина неудач? Прежде всего в том, что при воплощении в жизнь не выполнялось главное условие игры – добровольность участия. Отсутствие игрового механизма (т.е. совокупности приемов, позволяющих моделировать игру, играть) реализации и хрестоматийный глянец – суть явления вторичные по степени «ответственности» за неудачу.

2. Существование государства в действительности, т.е. как действия, имеющего форму игры (энтелехии), как игры, ярко выражается в двух аспектах – суверенитете и в праве.

2.1. *Суверенитет государства* – это независимость государственной власти от всякой иной власти внутри страны и вне ее, выражается в ее исключительном монопольном праве самостоятельно и свободно решать все свои дела. В соответствии с вышеприведенным материалом, можно перефразировать следующую трактовку государственного суверенитета: государственный суверенитет – это такое состояние власти, при котором власть реализуется в действительность, реализует себя как игра, ибо мы видим пять признаков игры – независимость, самостоятельность, пространственно-психологическое ограничение (игровое поле), свободу действия, самооценку.

2.2. *Право.*

Потенциальность права есть законодательство, его энтелехия – правоотношения.

Такое вторичное разграничение «бытия» обусловлено самим представлением о праве в юридической науке как о самостоятельной категории.

Законодательство является совокупностью всех юридических норм данного государства, и оно дает только представление о том, каким должно быть положение вещей, это предположение законодателя, которое в своей сущности и структуре является всего лишь «возможностью» той или иной ситуации. Правоотношения же являются реализацией этой «возможности».

Правоотношения, в сущности, есть игра, где правилами являются нормы законодательства, это энтелехия цели государства по регулированию общественных отношений.

Если же какое-то правило нарушено, в как мы помним, нарушение правил игры влечет за собой разрушение самой игры, то реализуется следующая цель государства – быть справедливым арбитром в споре. Реализует эту цель суд. Здесь следует воспринять две теории:

– Теорию Канта о том, что право есть выражение справедливости;

– Герменевтическую теорию американского ученого Кауфманна, суть которой в том, что право – это конкретное судебное решение по конкретной жизненной ситуации.

Судебное решение складывается из следующих компонентов:

а) абстрактные нормы (закон);

б) материалы дела (конкретная жизненная ситуация);

в) предпонимание текста (норма закона).

В сущности, две эти теории имеют одну общую точку, они понимают право как справедливость. Теория Кауфманна представляет большой практический интерес, так как ее основой является судебный процесс. Судебный процесс даже при поверхностном анализе предстает в виде игры, разыгрывающейся в определенном месте (здание суда), в определенное время (заседание суда), по определенным правилам (УПК), интересно то, что нарушение хотя бы

одного из них влечет чисто игровые последствия (т.е. либо исключение из игры («вывести его из дела», лишение права на адвокатскую практику), либо признание недействительным самого процесса).

Немаловажным аспектом является также то, что судебный процесс разыгрывается масками (так, не Петров, Сидоров, а «истец» и «ответчик»). Каждой маске имманентно присущи свои качества, свои правила, составляющие ее сущность, значение в ходе процесса. Следующее – судебный процесс носит состязательный характер, это агон, это борьба за выигрыш.

Учитывая вышесказанное и данные две теории в совокупности с пониманием судебного процесса как игры, следует отметить, что реализация идеала справедливости (правосудие) носит по своей природе чисто игровой характер, т.е. является игрой.

Применительно к теории государства и права необходимо отметить следующее:

– Реализация любых норм права, является игрой. Именно поэтому теория государства и права должна уделить больше внимания вопросу о сущности игры.

– Мы знаем, что законодатель обязан «предвидеть» как та или иная норма будет реализована на практике, изучение же игрового метода позволяет точно знать как она будет реализована.

– Правосудие, именно как воплощение справедливости, возможно только в форме игры. Здесь необходимо отметить следующую тенденцию: чем меньше в судебном процессе элементов игры, тем более решение суда носит антиправовой характер. В качестве примера можно провести формы суда 30-х годов XX столетия России, где игровые элементы как таковые отсутствовали.

Сочинение 8. О талионе. Людологический анализ¹⁰

Принцип талиона является самой древней формой ответственности. Впервые встречается в законах Хаммураппи, постулируется Ветхим заветом, живет в умах цивилизованного человека и по сей день. Талион свойственен абсолютно межнациональному началу в человеческом, и характерной чертой данной формы возмездия является то, что она применяется непосредственно между равными (преступления «против бога», преступления в отношении элиты (вплоть до оскорбления величеств) карались непосредственно обратно принципу «зеркальной ответственности»). Постоянство и неизменность данного принципа на протяжении тысячелетий у множества национальностей и культур, которые никак не были связаны между собой ни общей территорией обитания, ни общей властью, заставляет подозревать, что в основе талиона находится нечто большее чем «простота, удобство и невежественность предков».

В основе человеческого как суммы масс проявления внутреннего каждого в отдельности, лежит несколько формообразующих механизмов, которые задают тон любой форме организации материи. Для нас важны 3 из них. Первый механизм — это необходимость власти¹¹ (упорядоченность, стабильность, -человеческому чужда неизвестность и неуверенность). Применительно к нашему случаю формой возможности является право потерпевшего обратиться к данному наказанию (эта возможность может быть конституирована как непосредственно в специальном виде – право, так и в форме неперсонифицированного носителя – то что мы называем обычное право). Государство занимает достаточно пассивное положение по отношению к возмездию – оно лишь гарантирует, что право будет реализовано беспрепятственно, таким образом субъектом, решающим вопросы о возложении ответственности, является сам потерпевший (либо тот, кто может быть ассоциирован с ним в силу того или иного структурирующего признака- семейного, например). Данная ситуация говорит о том, что само государство¹²

¹⁰ Опубликовано: Рубикон: Сб. науч. работ молодых ученых/под ред. Проф. В.Е. максименко-Ростовн/Д: РГУ, 2000г- Вып. 7

¹¹ Под властью мы непосредственно понимаем такое свойство перехода, при котором обеспечивается зеркальная реализация всех элементов БВ в действительность, при условии того, что до процесса реализации они были сформулированы в возможности, составляли ее содержание. Более подробный обзор понятия власти см. Чернов Р. П. «Людологический опыт определения сферы бытия власти», изд. РГУ «Рубикон» №6, 2000г.

¹² Юристам свойственно, употребляя термин государство как – то абстрагироваться от исторического аспекта данного словоупотребления. Если же использовать людологическое знание, то следует признать тот факт, что государство как форма организации никогда не было унифицировано в отношении столь известных своих признаков, до тех пор, пока мы не стали видеть их в государстве, приписывая им объективный характер. См. об этом подробнее Чернов Р. П. «О праве как бытии в возможности государства и государстве как бытии в действительности права».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.